



Спутник и Погром - Вторая чеченская: Дар аль-харб, территория войны. 2002—2004. Часть IV, эпизод первый
poraywall



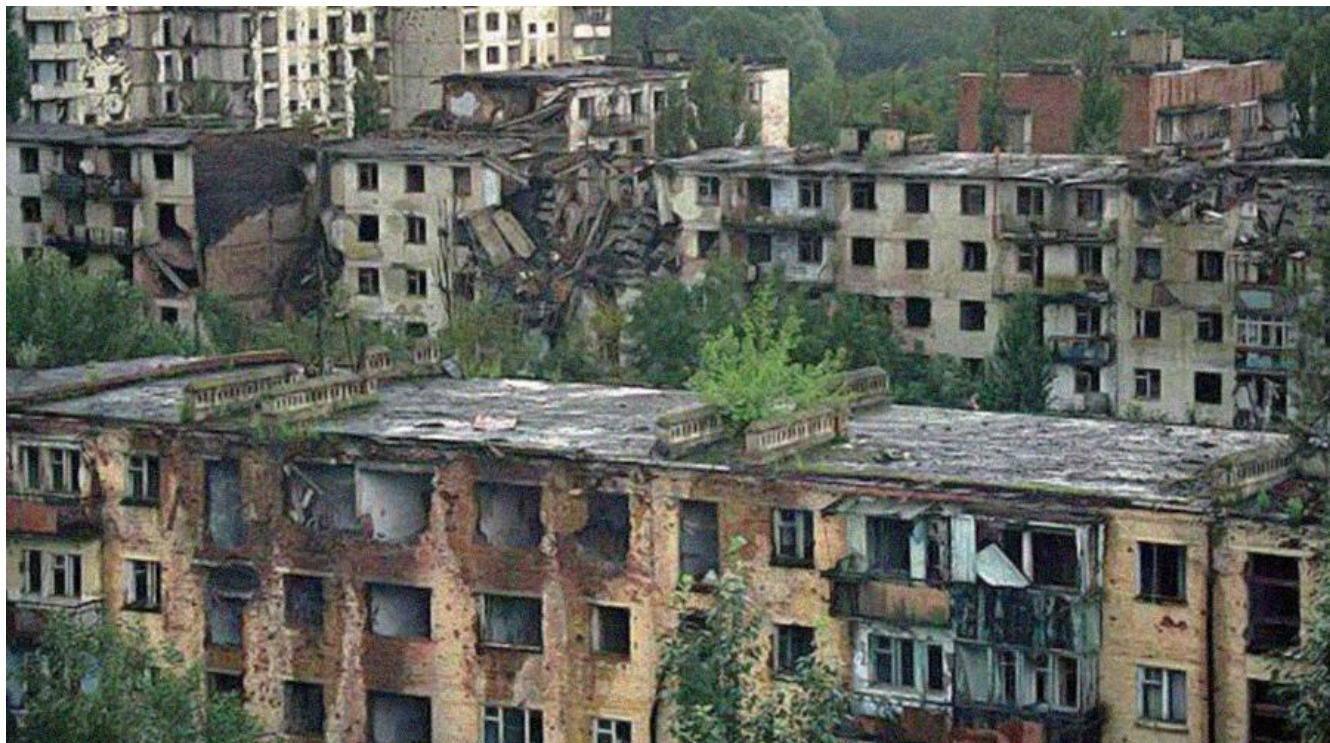
<https://t.me/nopaywall>

Евгений Норин

В 2002 году перед чеченскими боевиками замаячила угроза полного поражения. Хотя ичкерийская пресса продолжала бодро рапортовать о невероятных потерях «оккупантов», моджахеды очевидным образом проигрывали войну. Отряды боевиков становились все меньше, солдаты гибли все реже, российские спецгруппы отлавливали одну партизанскую ячейку за другой. Обильно предоставляемые амнистии не только позволяли боевикам легализоваться, но и в самом деле вырывали людей из рядов «лесных братьев»: проголосовать ногами и сдать автомат, а то и устроиться в новую чеченскую милицию было удобнее и проще, чем сходить с ума в схроне, каждую минуту ожидая русских охотников с вертолетами.

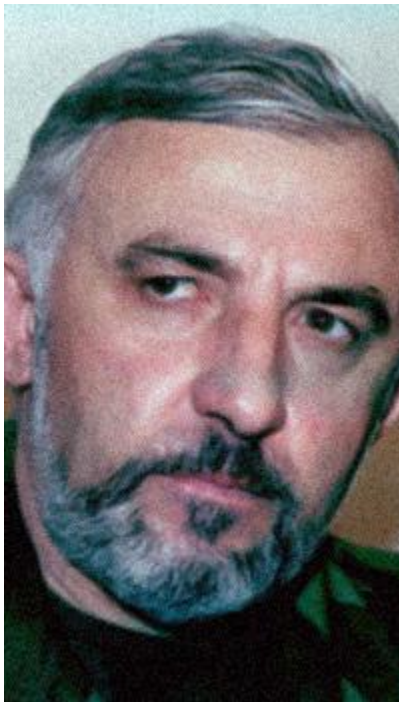
К тому же население поддерживало боевиков далеко не так единодушно, как казалось со стороны. Многие чеченцы встречали явившихся из лесу соотечественников без восторга — они несли с собой новые зачистки и новые проблемы. Наконец, далеко не все полевые командиры могли действовать скоординированно или вообще осознанно. Басаев был в лучшем случае самым авторитетным. Большая часть отрядов к 2002 году не только никому не подчинялась, но и занималась в основном вопросами собственного выживания. Правда, даже это получалось плохо. Российской публике мало что говорил длинный ряд фамилий истребленных «бригадных генералов», «министров» и «правых рук», но в действительности он впечатлял куда сильнее, чем труп какого-нибудь Хаттаба: в условиях хаотичной партизанской войны малыми группами разгром мелких отрядов удалось поставить на поток. Погиб любитель девушек-смертниц Цагараев, пуля снайпера нашла одного из лидеров похода на Дагестан Бакуева, погибли или попали в тюрьму шестеро из девяти знаменитых работорговцев братьев Ахмадовых, от ран и сепсиса умер брат Шамиля Басаева Ширвани. Масхадов издал по этому поводу приказ, в котором чувствуется почерк бывшего кадрового военного:

«Из-за халатности и личной беспечности, недооценки противника... некоторые командиры, члены правительства попали в засады, героически погибли в неравной схватке или захвачены в плен». Менее рафинированный Хаттаб незадолго до своей смерти выразился проще: «Нас мочат».



Чечня в 2003–2004 гг.

К тому же Чечня постепенно теряла привлекательность для зарубежных спонсоров. Война затягивалась, и разнообразные «гуманитарные фонды» понемногу сбавляли активность. Зато увеличивались возможности боевиков внутри страны. Басаев, в частности, налаживал работу с растущей и богатеей чеченской диаспорой в России, представителей которой либо склонял, либо принуждал к сотрудничеству. Лидеры сепаратистов не собирались сдаваться просто так. Летом 2002 года на совещании полевых командиров было решено резко изменить направление борьбы.



• МАСХАДОВ

Первая стратегия боевиков — насколько они еще могли проводить осмысленную стратегию — заключалась в выводе войны за пределы Чечни. К тому времени от национальных лозунгов они сильно сместились в сторону религиозных, имели внятный образ будущего (теократическое исламское государство на Кавказе) и четко знали, что именно собираются предлагать другим горцам. Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ингушетия — Чечня теперь становилась только частью в цепи джамаатов, подпольных террористических групп. За пределы Чечни выводилась и часть инфраструктуры подполья — базы, центры подготовки и многие боевики. От этих семян ожидали буйного роста.

Второй момент был тесно связан с первым. Теракты уже начались, но теперь их предстояло довести до уровня полноценной террористической кампании. Басаев и многие близкие к нему командиры собирались сделать главной мишенью атак именно мирное население. Да, в 1999 году взрывы домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске вызвали вместо страха бешенство и желание покончить с Чечней. Однако Басаев хорошо помнил и другой результат своих эскапад: в 1995 году массовый захват заложников в Буденновске подарил боевикам многие месяцы передышки, позволил оправиться от прошлых ударов — возможно, иначе чеченское подполье не устояло бы. Теперь чеченцы задумали не единственный громкий теракт, а серию атак, парализующих волю и ломающих всякую готовность сражаться.

Ключевым элементом этого плана становился персонально Аслан Масхадов. Простое запугивание не дало бы никакого эффекта кроме призывов сплотиться и раздавить гадину окончательно. Выиграть войну, нанеся российским войскам поражение на поле боя, чеченцы не могли. Поэтому в пару к «злому следователю» требовался «добрый» — политический лидер, представляющий умеренное крыло движения (пусть и полностью

виртуальное). Масхадов мог убедительно призывать к миру, с ним согласились бы говорить российские политики, и Запад он тоже устраивал.

Аслан Масхадов выглядел если не идеальной, то наилучшей из возможных фигур: человек, который пришел к власти условно демократическим путем, не имеющий у интеллигенции стойкой репутации убийцы, более или менее принятый за рубежом. Как полевой командир Масхадов не имел никаких особых сил, но в качестве политического деятеля он был попросту незаменим для чеченцев. Именно он делал ичкерийским боевикам репутацию борцов за свободу, а не монстров-фанатиков уровня второго Талибана; без него в Чечне просто не с кем было вести серьезные переговоры, не говоря уже о подписании какой-нибудь капитуляции.

Удивительно, но множество общественных деятелей (и в России, и за рубежом) купилось на разглагольствовании о «политическом решении» конфликта путем переговоров с легитимным президентом Чечни. В реальности Масхадов и Басаев друг без друга не могли существовать и вести целенаправленные действия, это были два лика одного бородатого Януса. Никому почему-то не пришло в голову простейшее соображение: если Масхадов мог приказать Басаеву и другим боевикам прекратить террор, но до сих пор этого не сделал, то получается, что он — руководитель террористов. А если не мог, то какой смысл о чем-то с ним договариваться? Увы, и на Западе, и в РФ хватало публичных фигур, либо искренне не понимавших двусмысленного положения Масхадова, либо закрывавших на него глаза.

Интересно, что Масхадов сообщил о готовящемся переходе к массовому террору почти впрямую:

Западные лидеры вынуждены заигрывать с Россией для разрешения своих глобальных проблем, таких как Балканы, Афганистан, Грузия, а теперь и Ирак. Теперь, когда война продолжается, мне нечего терять от того, что я связываюсь с такими людьми, как Басаев, Удугов или Яндарбиев — главными радикальными лидерами.

Дальше Масхадов уточнил, что его сторонники готовят некую «исключительную операцию»:

Мы практически от методов партизанской войны перешли к методам наступательных операций. Я уверен, у меня нет никаких сомнений, на заключительном этапе мы проведем еще более уникальную операцию, подобно «Джихаду» (операция «Джихад» — захват Грозного летом 1996 — S&P), и этой операцией освободим нашу землю от российских агрессоров.

Стратегия Масхадова и Басаева имела специфическую черту: она требовала постоянного накручивания угрозы. После серии взрывов в общественных местах похожие акции уже не производили такого сильного впечатления. Общество оказывалось потрясено один раз, другой, третий, но постепенно страна уставала даже от ужаса. Поэтому логика войны требовала непрерывно наращивать масштаб злодеяний, делать их более эффектными. Прижать Россию к стенке взрывами в Москве

не удалось, следовательно, новый теракт требовалось сделать еще страшнее.

И у руководителей чеченского подполья еще оставался резерв для увеличения степени кошмара.

СУДНАЯ НОЧЬ

Вечером 23 октября 2002 года Александра Королева вышла из театрального центра на Дубровке, где шел мюзикл «Норд-Ост» по «Двум капитанам» Каверина. Тогда женщина досадовала, что ей пришлось уйти после первого акта под мерзкий осенний дождь. Вскоре оказалось, что неотложные дела спасли ей здоровье, а может и жизнь. «В фойе было многолюдно и атмосфера была праздничная», — рассказывала она потом. Таким театр на Дубровке ей и запомнился.

В начале второго акта на сцену вышли вооруженные боевики. Поначалу зрители приняли людей в камуфляже за элемент шоу, но стрельба в потолок и истошные крики «Это захват!» не оставили сомнений. Актеров сбросили со сцены. «Стрельба, крики, все как в кино», — вспоминал один из артистов. Тех, кто не мог поверить в происходящее, убедили удары прикладов. Очереди в потолок добавляли страха: снаружи здания многие даже решили, что внутри идет бой. В заложниках в тот вечер оказались более восьмисот человек.



Что за люди вошли в дом культуры на Дубровке осенним вечером? Состав отряда, захватившего заложников в Москве, радикально отличался от групп, напавших на Буденновск и Кизляр в 1995 и 1996 гг. Отряды Басаева и Радуева были боеспособными группами, они могли самостоятельно вести общевойсковой бой, а прикрывшись заложниками успешно сопротивляться даже «Альфе» и «Вымпелу». На захват Дубровки отправились совсем другие люди. Возглавлял отряд Мовсар Бараев, племянник покойного Арби. Этот молодой человек имел огромные амбиции, но организационными способностями не блистал и авторитетом не пользовался. Он привел с собой сорок человек, половину составляли женщины-камикадзе. В основном бараевские бойцы были совсем молодыми людьми, 20–23 лет. Кроме

буквально полудюжины опытных боевиков в отряд, захвативший ДК, вошли одноразовые террористы, которых было не жалко потерять. Басеэву самому не хватало опытных диверсантов, поэтому на заведомо безнадежное дело на Дубровке отправилась бросовая молодежная банда. Кропотливо выстроенная агентурная сеть в Москве, обеспечившая и организовавшая акцию, была гораздо ценнее.



МОВСАР БАРАЕВ

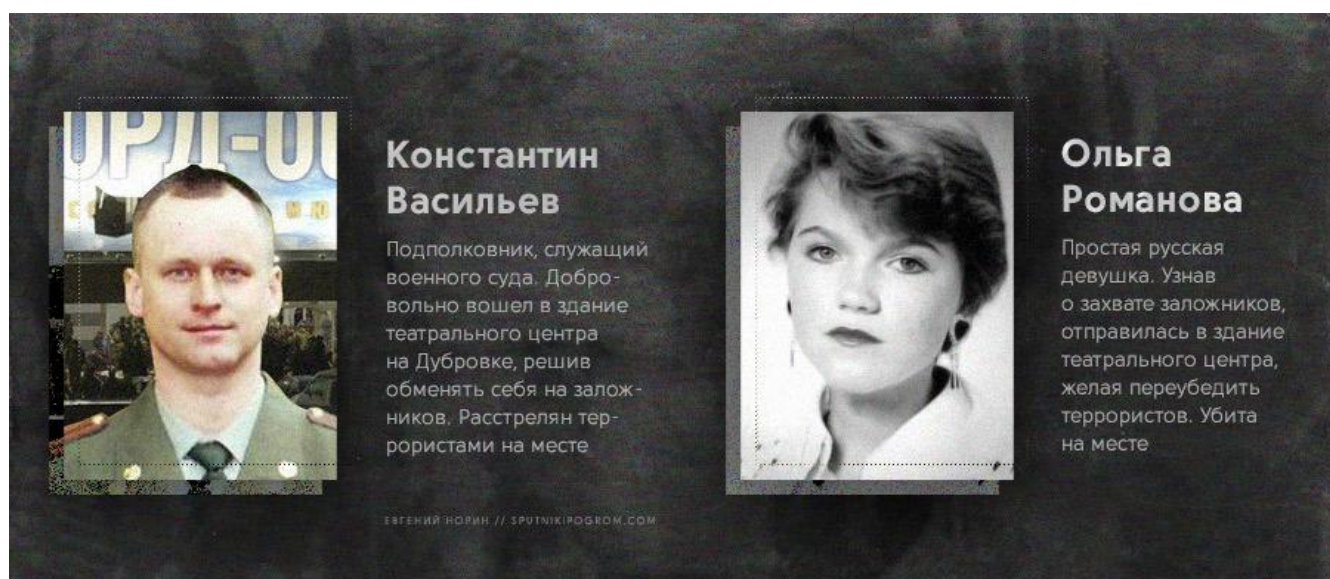
ДК на Дубровке выбрали, последовательно рассмотрев несколько вариантов. Сперва думали захватить Большой театр, но в итоге выбрали более простую цель, почти лишенную охраны. Террористы несколько раз сходили на предыдущие сеансы того же самого мюзикла, изучая внутреннее устройство здания и меры безопасности (меры безопасности отсутствовали).

Боевики действовали четко, слаженно, аккуратно. Женщины, руки за голову, налево. Мужчины, руки за голову, направо. Охрану — полдесятка человек с газовыми пугачами — нейтрализовали сразу же. Дальше в зал втащили фугас на основе 152-мм артиллерийского снаряда, обложенного металлическими шариками. Еще одно такое же устройство поместили на балконе. По залу распределили несколько более мелких адских машинок. По бокам расположились в шахматном порядке женщины-смертницы с поясами шахида. Разработчики плана знали свое дело: подрыв всей этой массы взрывчатки неизбежно приводил к обрушению колонн, и гибли все. Несколько фугасов — и зал накрывало осколками, а сверху на раненых падал потолок. Чеченцы имели 110—120 кг взрывчатки в тротиловом эквиваленте.

Особенный ужас террористы вызвали у... сидевших в зале чеченок. Одна из них больше всего боялась, что в ней опознают соплеменницу: поход с русскими в один театр террористы могли и не простить.

Около пятидесяти человек сумели убежать в первые минуты после захвата. Пока террористы не блокировали все здание, несколько работников ДК связали одежду и спустились по ней как по веревке. Один из них упал и сломал ногу, зато остался жив. Семеро техников заперлись в монтажной: МЧСовцы, рискуя жизнью, сумели незаметно для боевиков перепилить оконную решетку и спасти людей. Милиционерам кто-то позвонил почти сразу, те прилетели на место мгновенно. Снаружи подтащили лестницу, по которой со второго этажа выбрались еще несколько человек. Одна из работниц ДК заперлась в маленькой комнатухе и три дня просидела там тише воды, ниже травы. Ее не нашли, но трудно вообразить, что женщина пережила за эти дни.

Первая трагедия «Норд-Оста» произошла еще до того, как замкнули кольцо оцепления. В зал прошел служащий военного суда, подполковник Константин Васильев. Узнав о захвате, он отправился в театральный центр и попытался обменять себя на нескольких женщин и детей. Благородный порыв, но увенчался он ожидаемо: террористы просто расстреляли офицера. Вскоре произошла аналогичная трагедия: Ольга Романова, обычная девушка, узнавшая о захвате, явилась в ДК и начала публично укорять Бараева. Потрясенные террористы решили, что Ольга пьяна, но ей действительно двигал искренний порыв. Девушку тоже убили.



Боевики быстро отобрали у людей телефоны и документы. Тем не менее несколько человек успели сделать звонки или набрать СМС. Один из зрителей оказался офицером ФСБ, и он сумел сохранить достаточно ловкости и самообладания, чтобы незаметно передать наружу несколько СМСок со сведениями о террористах.

Как ни странно, один из заложников оказался в здании, можно сказать, к счастью. Георгий Васильев, один из авторов мюзикла, не стал бежать, когда представилась возможность, и сумел разрешить несколько неожиданных проблем:

Естественно, проблемы начались почти сразу же. К примеру, они вдруг обнаружили, что из тех больших тяжелых штук, которыми они забаррикадировали двери сцены, повалил

густой дым, и они не знают, что это такое. А это были машины для сценического дыма. Террористы были вынуждены обратиться в зал: кто, мол, тут знает, что с этим делать? К счастью, я был, я знал, и вообще мне кажется, мое присутствие помогло избежать многих опасностей. И уже следующий эпизод показал, что из них можно было вытягивать какие-то уступки. Начали дымиться и гореть светофильтры. Световой компьютер завис в режиме ожидания, а фильтры не рассчитаны на такое долгое воздействие мощных ламп. Пошел запах горелого, люди перепугались. Террористы сначала храбрились, но я им описал, как это страшно, когда горит театр, и что они даже не успеют выдвинуть свои политические требования и бессмысленно погибнут вместе со всеми за несколько минут. Под таким прессингом удалось выбить из них рации, у меня появилась связь с нашими людьми внутри театра, я даже смог на некоторое время связаться с людьми, находившимися вне здания. В частности, с нашим техническим директором Андреем Яловичем, который был за пределами театра и очень много сделал для нашего освобождения. О таких эпизодах можно рассказывать бесконечно — все трое суток состояли из них.

Между тем Бараев старался действовать по образцу Буденновска и Кизляра и сделать из терракта не просто убийство, а еще и кровавое шоу. Боевики активно работали с общественным мнением в России и за рубежом.

Российские журналисты не очень поняли, что происходит. Для начала они принялись охотиться за удачными кадрами, постоянно выдавая в эфир информацию о расположении частей спецназа и о работе штаба операции. Мовлади Удугов, ведавший вопросами пропаганды, в это время давал интервью BBC, рассказывая о том, как террористы хотят остановить войну. Зарубежные же СМИ в основном говорили о страданиях чеченского народа, доведенного до отчаяния и терроризма. В местной прессе тоже появлялись шедевры в подобном духе: например, одна газета вышла с аршинным заголовком «Боевики требуют решить вопрос мирным путем».

Попытки Руслана Хасбулатова и Асламбека Аслаханова войти в здание окончились ничем: разговаривать с ними Бараев отказался. Зато он записал заявление граду и миру, требуя вывести войска из Чечни. Кроме того, террористы организовали звонок одной из заложниц на радио «Эхо Москвы» и через нее объявили о хорошем обращении с жертвами. Вообще, боевики активно общались с внешним миром — они дозвонились не только на радио, но и Яндарбиеву. В качестве переговорщиков бараевцы потребовали разнообразных оппозиционных политиков — в частности, Бориса Немцова, который в здание так и не пошел. Зато вызвался Иосиф Кобзон, отправившийся к террористам вместе с корреспондентом Sunday Times Марком Франкетти. Бараев и его заместитель передали, что если через неделю их требования не выполнят, они подорвут театр вместе с заложниками. То ли Кобзон ловко вел переговоры, то ли Бараев решил показать великодушие, но певец выхлопотал женщину и трех девочек — двух ее дочерей и постороннего ребенка, которого дама выдала за своего.



Безудержное желание общаться с прессой в некотором роде навредило боевикам. Когда Франкетти брал интервью у Бараева, тот простодушно брякнул, что захват «Норд-Оста» — это совместная акция Масхадова и Басаева. Масхадова изображали умеренным лидером, и такие признания сажали на мундир «легитимного президента» огромное кровавое пятно.

Приход Франкетти и Кобзона разрядил обстановку. В захваченный театр после этого регулярно наведывались парламентарии. С боевиками с переменным успехом общались Ирина Хакамада, Леонид Рошал, иорданский врач Анвар Эль-Саид, Григорий Явлинский. С Рошалем чуть не случилась беда: когда он находился в ДК, две девушки, которых отпустили в туалет, сбежали через окно. Прикрывавший их майор «Альфы» был легко ранен, но беглянкам удалось ускользнуть. Взбешенный Бараев принялся орать на Рошала, обвиняя его в сговоре с заложницами, но тот прооперировал раненого во время бегства девушек боевика, и полевой командир успокоился, позволив даже оказать помощь заложникам. Очень вовремя: несколько человек в зале нуждались в немедленной помощи из-за обострившихся болезней.

Заложники находились в очень скверных условиях. Их плохо кормили (продуктами из буфета), сотни людей дышали одним и тем же воздухом. К тому же под туалет для запертых в партере жертв террористы отвели оркестровую яму — помимо очевидной унизости этой идеи, легко представить, как миазмы влияли на атмосферу в зале: огромная толпа безвылазно находилась там три дня.

На захваченных людей давили психологически. Террористы периодически устраивали демонстративные намазы, включали на магнитофонах песнопения и стреливали в воздух. По словам заложницы, это были *«странные для нас песнопения на русском и нерусском — и уж лучше — пусть на нерусском, потому что, когда понимаешь, о чем поют, ощущение бреда возрастает многократно»*.



Примерно половина террористов играла роль «злых следователей», избивая и проклиная заложников, другие жаловались на жизнь и утешали собственных пленников.

Бараев продолжал ковать железо общественного мнения. Теперь боевики потребовали устроить антивоенный митинг, причем не меньше чем на тысячу человек. Заложникам велели звонить домой и требовать выйти на улицу. Тысячу, конечно, не собрали, но митинг запуганных родственников всё же провели.

Между тем в оперативном штабе вовсю готовили штурм. Все понимали, что выполнять требования террористов нельзя, это опаснее, чем самая рискованная атака. В 2002 году Россия пожинала плоды успешных терактов 1995 — 1996; второй раз наступать на эти грабли никто не собирался. С момента захвата прошло три дня. Многие заложники находились в состоянии глубокого физического истощения, не говоря о моральных страданиях. Что еще опаснее, у боевиков тоже постепенно сдавали нервы. Несмотря на браваду, террористы редко хотят погибнуть, и обычно до конца надеются на свою победу и капитуляцию властей. Теперь чеченцы начали нервничать, и пообещали начать расстрелы, если их требования не выполнят. У спецназа заканчивалось время. Незадолго до штурма ФСБ нашла в районе Профсоюзной почти идентичный дом культуры, «Альфа» и «Вымпел» смогли отрететировать атаку. Снайперы вели наблюдение, уточняя позиции террористов. Отдельная работа шла под землей: коммуникации ДК на Дубровке разведывали при помощи диггеров.

Одной из последних на переговоры пришла Анна Политковская. Журналистка «Новой газеты» не умела воспринимать своих обожаемых чеченцев критически, но ей невозможно отказать в искреннем желании помочь тем, кого она считала угнетенными и обездоленными. Ей не позволили накормить заложников, но разрешили принести воды, дав на все про все 15 минут. Удивительно, но у оперштаба не оказалось под рукой воды, поэтому на драгоценную минералку аврально скинулись журналисты, спасатели и военные из оцепления.

— Они не отдали мне никого. Я разговаривала с заложниками. Они очень подавлены и между собой уже считают себя мертвыми.

В ночь на 26 октября у одного из заложников произошел нервный срыв. Мужчина бросил в террористов бутылку и побежал по залу. Боевики принялись стрелять и тяжело ранили двух человек (один впоследствии умер). В это время уже шла подготовка к штурму.

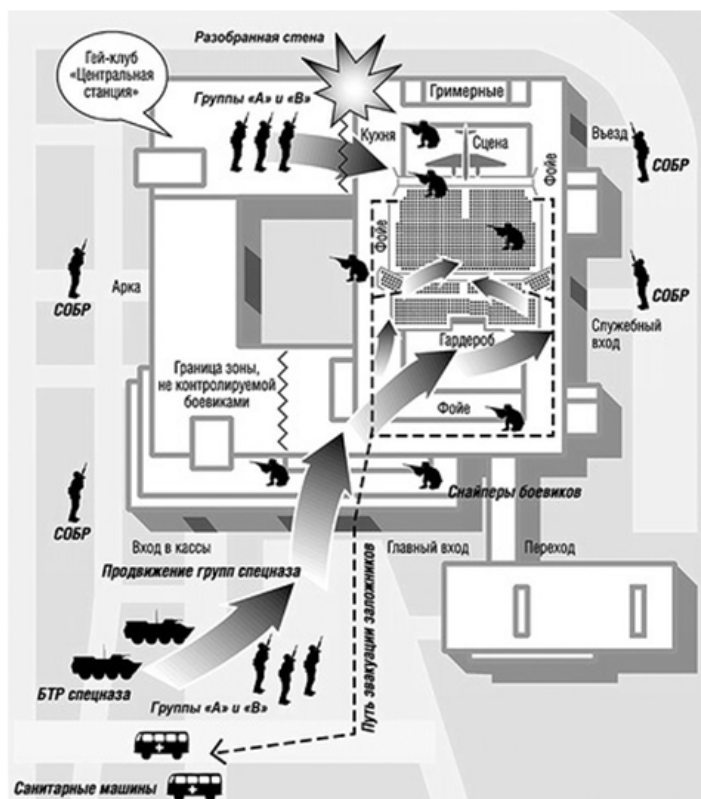
Около 180 офицеров «Альфы» и «Вымпела» незаметно приближались к зданию.

У чеченцев не хватало бойцов, чтобы полностью контролировать периметр, поэтому шесть штурмовых групп при удаче и соблюдении величайшей осторожности могли подойти к театру незаметно. Одна группа вошла в технические помещения на первом этаже, другая пробралась в пристройку.

При штурме решили использовать усыпляющий газ. ФСБ утверждает, что это некая смесь на основе фентанила. Газ — это до сих пор самое спорное во всей истории с «Норд-Остом». Газ по-разному действует на разных людей, а среди физически и психически истощенных заложников вообще могли появиться массовые жертвы.

Но никакой альтернативы, видимо, не было. ДК заминировали идеально — не нейтрализовав предварительно хотя бы часть террористов, о решительном штурме нечего было и думать.

Около четырех часов в здание через вентиляцию стали закачивать газ. Снаружи начали демонстративно перемещаться две группы спецназа. Террористы-мужчины сбежались пострелять по ним и отвлеклись от заложников. В этот момент в зал через аккуратно пробитые заранее проемы вошли спецназовцы и перебили спящих или засыпающих смертников. Брать шахидок живьем никто не пытался — на них для этого висело слишком много взрывчатки. Заснули не все смертники. Для активации пояса требовалось вставить туда батарейку и сомкнуть провода, и некоторые успели сделать первый шаг. Позднее внимание на этом не заостряли, но на самом деле «Норд-Ост» находился в полусекунде от взрыва, в котором погибли бы все — и террористы, и заложники, и спецназ. Только скорость реакции, абсолютное хладнокровие и меткость снайперов «Альфы» и «Вымпела» не позволили камикадзе подорвать все здание. В конце концов две смертницы все-таки подорвались, но уже за пределами зала, где никому не могли угрожать.



Общий план штурма здания

В это время другие отряды спецназа со всех сторон врываются в ДК. Террористы, отправившиеся отражать демонстративную атаку, вышли к окнам и тут же получили по пуле от снайперов. Здание наполнялось солдатами, любое сопротивление тут же давили. Бараев попытался отстреливаться из комнаты, где красовался перед камерами, но внутрь прилетела граната, и на этом карьера борца за свободу Ичкерии закончилась. Штурм занял меньше четверти часа. Боевики не сумели подорвать ДК и не успели убить вообще никого, а сами легли поголовно.

К огромному горю страны, спасательная часть была организована хуже. Фатально хуже. К зданию ДК неслись «скорые». Альфовцы вышибали стекла, выводили тех, кто мог идти, и выносили потерявших сознание от газа. Вопреки популярному заблуждению, врачи прекрасно знали, какое противоядие использовать. Проблема была в другом: в суматохе никто не сумел организовать обработку пострадавших одним потоком. В результате кто-то не получил укол антидота вообще, а кто-то — два-три раза, смертельную дозу. Кроме того, многие истощенные и измученные заложники умирали даже при правильном оказании помощи. Работа «Скорых» была организована из рук вон плохо (тому были свои причины: в Буденновске радиопереговоры машин «Скорой»

предупредили Басаева о начале штурма, поэтому в этот раз медиков двинули на Дубровку в последний момент).

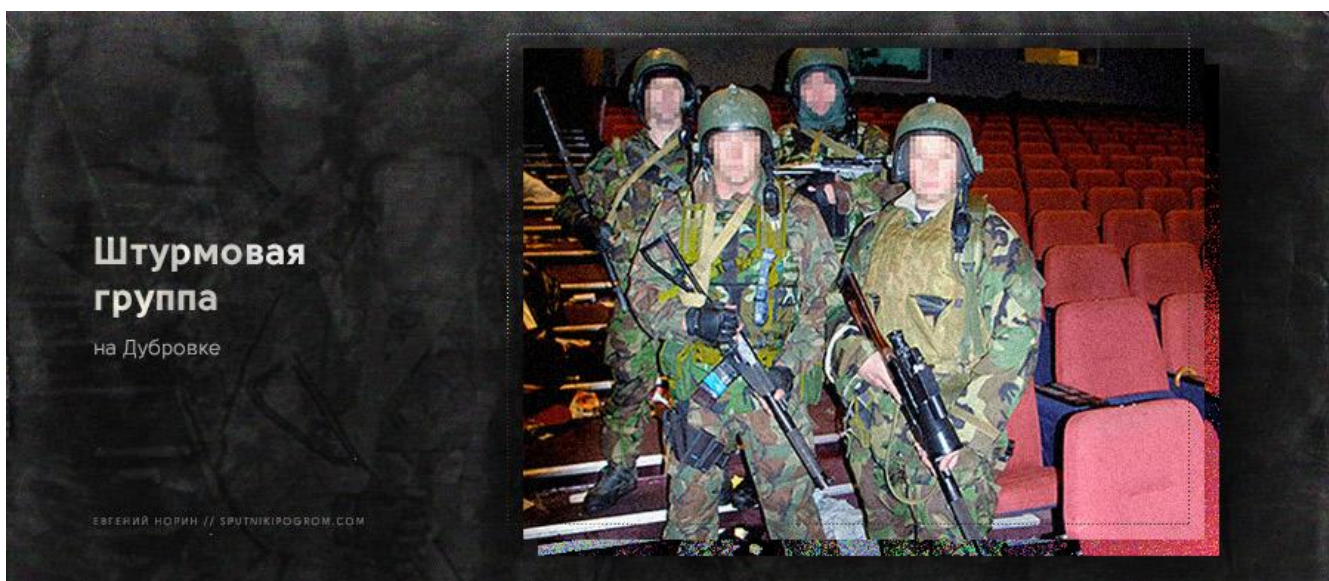
Погибли 130 заложников, причем подавляющее большинство (119 человек) — от действия газа в сочетании с ослаблением организма, в течение нескольких часов после операции. Будь помощь и эвакуация организованы лучше, многие из этих людей могли бы остаться в живых.



«Норд-Ост» произвел смешанное впечатление. Власти не умели говорить с общественностью и журналистами. Спасательную операцию организовали с чудовищными ошибками и накладками, стоившими жизни ста тридцати людям, а многим выжившим — здоровья. Взаимодействие ведомств полностью провалили, что привело к трагедии огромных масштабов.

При этом военную часть спецоперации удалось провести блестяще. Печально знаменитая газовая атака в тот момент оказалась единственным выходом из положения. «Альфа» и «Вымпел» сработали безупречно и прошли по зданию ДК как вооруженные хирурги, поголовно истребив боевиков, но не нанеся заложникам ни царапины. Смертники опоздали буквально на секунду — но эта секунда в бою и отделяет живых от мертвых, а отмороженную чеченскую гопоту со старыми автоматами — от профессионалов контртеррора.

Люди в зале в основном вели себя достойно. Москвичи продемонстрировали выдержку и благородство. Заложники помогали сбежать тем, кто пытался это сделать, и морально поддерживали оставшихся в зале — они даже сумели успокоить Бараева в один из критических моментов. Почти все общественные и политические деятели, которым террористы позволили пройти в зал, вели себя образцово. Медики выполняли свой долг, не обращая внимания на головорезов вокруг. Русское общество оказалось гораздо более устойчивым и мужественным, чем само привыкло о себе думать.



Наконец, на фоне Буденновска и Кизляра даже такая неуклюжая операция смотрелась совершенно по-новому. Хотя больших потерь избежать не удалось, на этот раз захватчики отправились после теракта не на интервью, а на вскрытие. Никаких мирных переговоров с умеренными убийцами, несмотря на призывы прогрессивной общественности, вести не стали. Трудно сказать, дошла ли эта перемена до Басаева и Масхадова. Скорее всего, они решили, что «Норд-Ост» провели недостаточно жестко. **«ТАМ ЖДУТ МЕНЯ ДЕВЫ, ОНИ ВСЕ БЕЗ ИЗЪЯНА»**

В 2002–2004 годах атаки смертниц пошли сплошным потоком. Арби Бараев, отправивший взрываться свою двоюродную сестру, стал первопроходцем, но для настоящей террористической войны боевикам требовалось наладить «промышленное производство» смертниц. Северный Кавказ в этом смысле был благодатным местом. Патриархальный образ жизни, глубоко традиционные нравы — все это породило тип женщины скромной, послушной распоряжениям мужчин, чаще всего плохо образованной, с ограниченным кругозором, легко внушаемой. Боевики использовали эти особенности общества на полную катушку. К тому же жесткие зачистки и война сама по себе давали достаточно молодых вдов или просто девушек-подростков, влюбленных в brutальных и атлетичных лесных робингутов.

Хотя женщин готовили к гибели в пламени взрыва, некоторые из них по тем или иным причинам выжили и смогли подробно рассказать о том, как становятся камикадзе. Зарема Инаркаева (шестнадцать лет) пыталась взорвать ОВД в Старопромысловском районе. Бомба, которую она туда пронесла, сработала нештатно и не взорвалась целиком. Рассказ этой девушки рисует чудовищную картину и в смысле нравов общества, и в смысле поведения самих боевиков:

— Все началось задолго до этого. Шамиль Гарибеков за мной ухаживал. Улыбался, говорил, какая я красивая. А потом — это в декабре было — я как-то иду по улице, останавливается его машина, оттуда парни выскакивают и затапливают меня в машину.

Я и опомниться не успела. Что я тогда подумала? Ну как что. Подумала: ну все, похитили, теперь женой буду. Я стала говорить Шамилю, что не хочу замуж, что маму надо предупредить. Потом меня покормили, и я уснула. Мне так кажется, что они что-то в еду добавили, потому что у меня в голове все закружилось, руки-ноги стали тяжелыми и я уснула, хотя спать до этого не хотела.

Просыпаюсь — моя одежда уже здесь. Они ко мне домой съездили, сказали, что я замуж вышла, и мама им все отдала.

Я говорю: а когда к маме можно будет? А Шамиль мне отвечает: никогда, забудь про маму, ты теперь с нами будешь. Я плакала сидела, меня девочки успокаивали.

А потом вечером ко мне пришел Шамиль. И я с ним спала. Ну, как жена. Когда я плакала, его люди на меня кричали. А потом все чаще стали что-то в еду добавлять, какие-то таблетки мне давать, от которых так спокойно становилось. Даже как-то все равно.

Я поняла, что мне оттуда не выбраться уже. Потом я стала еду готовить, стирать для всех мужчин, что в этой квартире жили. Сначала обстирывала, потом стала спать с ними со всеми. Они так говорят: он мой брат, и сегодня я дарю тебя ему. Меня, думаешь, кто-то спрашивал, уговаривал? Зашел, дал по лицу, на кровать бросил — и все.

Я часто была сонная, вялая, они мне точно что-то давали. Мне уже все равно было, что происходит. У парней всегда много оружия было — и автоматы, и пистолеты, и гранаты.

Мой — Шамиль — работал в милиции, поэтому я сначала и не подумала, что он ваххабит. Это потом он мне стал какие-то книжки давать читать — ваххабитские.

После этого Шамиль пришел ко мне, закрыл дверь и сказал, что у него есть для меня важное дело: какому-то товарищу отдать сумку. Я сразу поняла, что здесь что-то нечисто. Говорю: а почему ты сам не отдашь?

«Нет, — говорит, — нельзя, чтобы кто-то меня видел, как я буду ему отдавать эту сумку».

«А что в ней такого?»

«Не твоего ума дело. Ты просто зайдешь к нему в кабинет и скажешь, что для него просили передать. И все».

Он разозлился жутко. Сказал, что 5 февраля я должна буду это сделать. Я сказала, что не хочу никому ничего передавать. Он усмехнулся и сказал: «Сделаешь и никуда не денешься».

(...) Я ведь Шамиля раньше любила, он же со мной заигрывал раньше, ухаживал, я ведь думала, что все по-настоящему.

А этот день — 5 февраля, понедельник — был для меня концом.



Пояс шахида

С утра мы ждали того человека, которому я должна была передать сумку. Его все не было на работе. Шамиль психовал, ругался, мы кружили по городу, и я молила Аллаха, чтобы он подольше не появлялся. Это же были последние часы моей жизни. Я понимала, что в сумке что-то не то, она такая тяжелая была. Понимала, зачем они меня до этого на видеокамеру снимали, просили какие-то слова сказать. Что-то про Аллаха. Я уже ни живая, ни мертвая была. Бежать некуда. Смерть — и там, и там. Потому я, когда в РОВД зашла, все-таки сумку сняла с плеча и шла медленно, чтобы поменьше народу погибло вокруг.

Иду и думаю: сейчас! Вот сейчас! Интересно, я боль почувствую или не успею? И что от меня останется? И кто меня похоронит? Или вообще не похоронят — как убийцу. Как страшно, мамочка! Пока я думала, оно и рвануло. Шамиль в машине взрывчатку привел в действие.

Такой шум поднялся, крики, нога болит, кровь хлещет из меня. Но я-то жива! Милиционеры сразу поняли, что, если меня вывезти в больницу, меня там убьют. Я реву, пытаюсь что-то объяснить. Врачей мне прямо в милицию и привезли. Там меня и прооперировали — в отделении.

Потом перевезли под охраной в УВД, освободили для меня какой-то кабинет, кровать поставили, и вот тут я и живу уже четыре месяца. Потом мне сообщили, что Халед — тот, что приказал Шамилю послать меня, — подорвался на фугасе.

В Старопромысловском тогда не пострадал никто, кроме самой девушки. Уровень моральной деградации подполья просто поражает. История кавказского террора вообще не блещет, но манера использовать смертниц выделяется мерзостью даже на общем фоне.

Обычно шахидок старались делать из женщин с проблемами. Так, две смертницы, погибшие в «Норд-Осте», находились на учете в психиатрической лечебнице из-за беспричинных истерик и сильных головных болей, причём из-за этого их никто не желал брать замуж, пока не нашлись женихи из джамаатов. Ещё в ход шли вдовы. Иногда шахидку доводила до взрыва какая-нибудь совершенно дикая траектория: так, молодая вдова (и к тому же сирота) Зарема Мужахоева попала в террор после того, как попыталась сбежать с маленькой дочерью от родственников, отнявших у нее ребенка, и ради этого побега украла драгоценности членов семьи.



• ЗАРЕМА ИНАРКАЕВА. ВЫЖИЛА ПРИ АТАКЕ НА ГРОЗНЕНСКОЕ ОВД

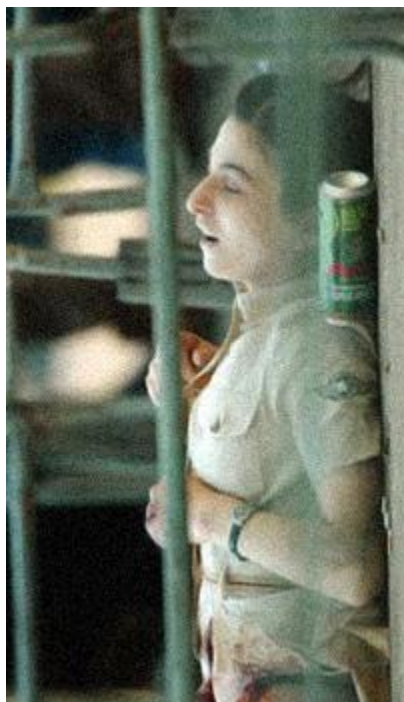
После того как обман вскрылся, а побег не состоялся, женщина, опозоренная и «поставленная на счетчик» добросердечными родственниками, пошла в шахидки. Вербовщики предложили ей неплохой пакет услуг тоталитарной секты: возможность видаться с дочерью (но не лично, а во сне), списание долга (после смерти) и райские кущи (тоже). Связниками выступило глубоко ваххабитское семейство, в котором из девяти детей четверо мужчин погибли в бою, а две дочери, включая пятнадцатилетнюю, получили пулю на Дубровке.

Особенно вербовщикам и вербовщицам удавалась работа с девочками. Потом, после подрывов, очень многих шахидок описывали как юных, скромных, послушных и романтических, почти детей (или не почти). Настоящих фанатичек, несмотря на всю возвышенную религиозную и национальную риторику, среди смертниц было очень

мало — убежденные мстительницы вроде сестры известного полевого командира Луизы Бакуевой составляли исчезающе малую их часть. Обычно девушек просто накачивали психотропными веществами, а потом приступали к прямолинейной, как дубина, психологической обработке. Будущим живым бомбам объясняли, что после смерти их ждет рай, что они — избранные. Причём представления о небесах были самые примитивные: девицам предлагали в буквальном смысле сад с цветами, в котором им предстояло обслуживать мужчин-шахидов. Не бог весть какая агитация, но на запуганной, инфантильной и плохо образованной целевой аудитории она работала сносно. К тому же чеченских девушек и дома не баловали, и часто шахидку можно было купить простой лаской. Одна из смертниц перед самоподрывом впервые купила себе... изящный халатик. Перед тем как взорваться, девушки радовались, что на подруге хорошо сидит пеньюар.

При этом в «Норд-Осте», например, на смерть никто не рассчитывал — предполагалось, что русские сдадутся, и пояса можно будет снять.

Как можно видеть из рассказа шахидки-неудачницы, многие невесты Аллаха не горели желанием взрываться — таких боевики безжалостно отбраковывали. «Девчонки, у которых все нормально, которые учатся, работают — никогда в жизни на это не пойдут», — замечала Зарема Мужахоева, тоже несостоявшаяся самоубийца. Впрочем, не то чтобы террористам требовалось согласие живой бомбы. Иногда за продажу дочери или сестры родственникам платили по полторы тысячи долларов — многодетные и жестокие семьи могли сколотить неплохой по меркам нищей Чечни капитал.



НЕУДАЧЛИВАЯ СМЕРТНИЦА НА РОК-ФЕСТИВАЛЕ В МОСКОВСКОМ ТУШИНО

Пик активности самоубийц пришелся на конец 2002-го и 2003 год. Один взрыв следовал за другим. Вскоре после «Норд-Оста» в Грозном террористы атаковали комплекс правительственных зданий. Одним из смертников на сей раз был мужчина, который в своем фанатизме дошел до того, что обманом похитил собственную маленькую дочь — от русской, кстати, женщины, — из Ярославля, и убил ее и себя. Погибли более семидесяти человек, более шестисот были ранены.

12 мая две женщины на автомобилях разгромили здание администрации Надтеречного района в Знаменском — еще почти 60 трупов. Уже через день новый взрыв вблизи Грозного — 16 убитых.

А в июле мишенью смертниц вновь стала Москва.

На рок-фестиваль в Тушино явились две шахидки. Первая — Зулихан Элихаджиева — сумела убить только себя. Милиционер из охраны обратил внимание на нервную девушку, говорящую по телефону на непонятном языке, и попытался оттащить ее в сторону. Здесь у террористки сдали нервы, и она подорвала свою бомбу. К счастью, взорвался только детонатор, разворотив смертнице живот.

Килограмм пластида и два кило металлических шариков и рубленых гвоздей, которыми обычно начиняли пояса, так и остались лежать мертвым грузом. Ошарашенный милиционер обратился к умиравшей рядом с бутылкой из-под пива смертницей: «Как твоя фамилия? Откуда ты приехала?» — «Уйди, — отвечала та, — Я не смогла... Теперь не попаду к Аллаху». Через несколько секунд она умерла.

Вторая живая бомба достигла цели. Через десять минут она подорвала себя у кассы. «Вначале я бросился к мужчине, отброшенному в сторону взрывной волной, — рассказывал доктор, одним из первых оказавшийся на месте. — Он звал на помощь. Я подбежал к нему, еще, помню, обрадовался: живой, спасем. А потом увидел, что шариком ему пробило насквозь шейную артерию и кровь хлещет как из трубы. Он прожил несколько секунд, мы сделать ничего не могли».



Теракт

на рок-фестивале
в московском Тушино

ЕВГЕНИЙ НОРИН //
SPUTNIKIPOGROM.COM

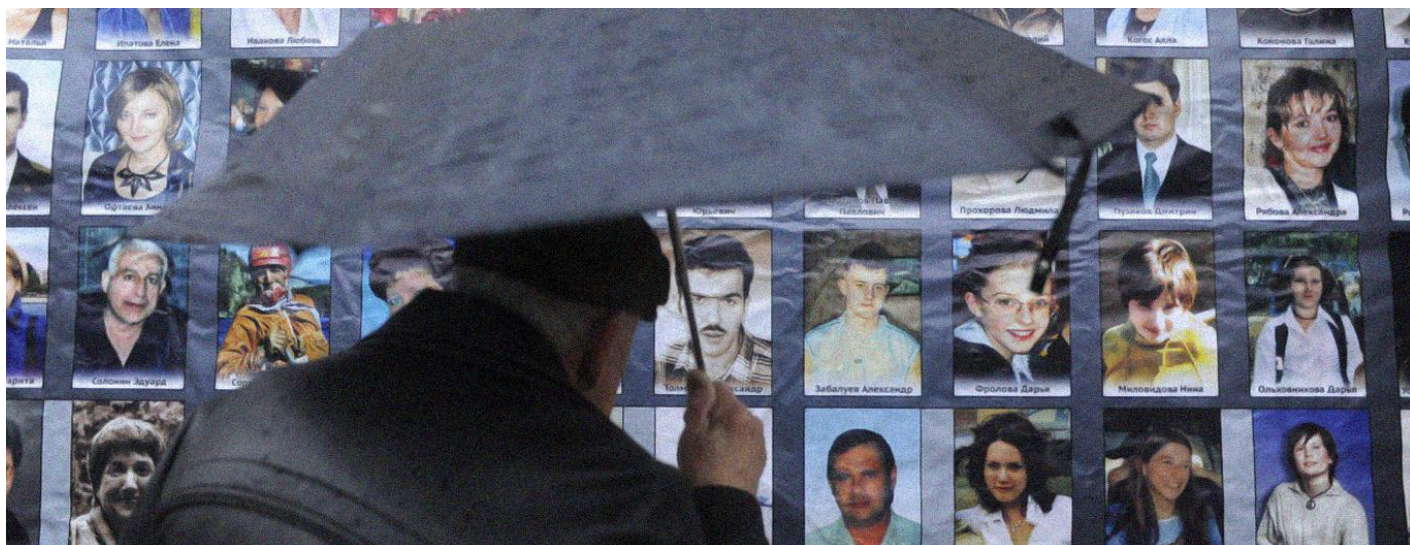
Погибли или вскоре умерли 16 человек. Власти и организаторы приняли, пожалуй, единственно верное решение. Сотовую связь отключили, людей снаружи отправляли по домам. Тем, кто уже прошел внутрь, ничего не сообщали о случившемся: паника и давка убили бы куда больше народу, чем две смертницы, а начаться они могли очень легко, учитывая, что на фестивале находились тысячи не особенно трезвых людей. Наружу выпускали всех, обратно не впускали никого, так что праздник продолжался. Люди внутри попросту не имели понятия о случившемся. На Волоколамском шоссе собрали 200 автобусов, чтобы развезти людей к станциям метро.

Еще через пять дней произошел не то чтобы уникальный, но редкий инцидент: смертница попала в руки властей живьем. Охрана кафе на 1-й Тверской-Ямской обратила внимание на девушку, держащую руку в сумке. Она то приближалась к заведению, не решаясь войти, то отходила. Охранники вызвали милицию. Приехавший на вызов сержант Михаил Гальцев спросил, что в сумке... и Зарема сказала правду: «Пояс шахида». Дальше версии расходятся: сама шахидка утверждала, что сдалась сама. Однако присутствовавшая при этом женщина-милиционер говорит, что смертница несколько раз пыталась нажать на кнопку бомбы, но та почему-то не сработала. Перепуганную Мужахоеву тут же запихнули в машину, сумку с бомбой оставили на месте.

Саперный робот не смог вскрыть сумку, и тогда к поясу смертницы отправился живой сапер — майор ФСБ Георгий Трофимов, опытный специалист, шесть лет занимавшийся разминированием, участвовавший в деактивации фугасов и поясов, взятых на Дубровке. Как только он склонился над бомбой, произошел взрыв, убивший взрывотехника на месте.

Нужно отметить, что Мужахоева, хотя и не хотела умирать, со следствием сотрудничала тоже не слишком охотно. На базу в поселке Толстопальцево, где жили смертницы перед взрывом, она привела агентов ФСБ только несколько дней спустя. Остальные участники группы уже успели эвакуироваться, так что безопасникам достались только шесть снаряженных поясов шахида.

Выяснилось, что шахидки приехали в Москву по отдельности. На месте их уже встречали организаторы теракта. Для будущих смертниц сняли частный дом в Подмосковье, там же хранились пояса. Оттуда самоубийцы отправились в Тушино, а Мужахоева — к кафе. Группа состояла всего из нескольких человек, мало общавшихся с внешним миром. Судя по обилию поясов, осечка с самоподрывом Мужахоевой прервала целый конвейер по заброске шахидок в Москву.



Правда, про саму Мужахоеву есть и другие версии. Сама она назвалась простой смертницей, но весной 2004 года в печать попали [откровения](#) ее сокамерницы по СИЗО. Причём эта сокамерница была осведомительницей тюремной администрации, да и сам материал явно обработан. Кто и зачем слил эту информацию, неизвестно, но по этой версии Мужахоева командовала группой шахидок. Некоторые детали истории действительно нетипичны для поведения самоубийцы — например, взрывчатку она тащила не закрепленной на себе, а в сумке. Странно для смертницы, но вполне логично, если она хотела передать кому-то бомбу. Причем поведение Мужахоевой в заключении явно свидетельствовало, что в руках спецслужб оказалась не обманутая деревенская дурочка, а вполне сознательный, жестокий и изворотливый враг. Новостям о новых терактах неудачливая смертница радовалась. Отметим, что в эту версию отлично ложится и долгое молчание Заремы о местонахождении базы террористов. Подруги уже взорвались, кого ей было выводить из-под удара — мужчин, отправивших ее на смерть? Да и сама детективная история, которую Мужахоева рассказывала о себе, не очень вяжется с образом обманутой несчастной. Она активно перемещалась по Москве, а не просто доехала от лежки до места взрыва. Короче говоря, в рассказах Заремы слишком много необычных деталей, чтобы спокойно брать их на веру. С учетом всех этих моментов легко понять присяжных, дружно признавших ее виновной и не заслуживающей снисхождения.

Зарему Мужахоеву приговорили к двадцати годам лишения свободы. После оглашения приговора она завопила «Я выйду из тюрьмы и всех вас взорву!» В 2009 году суд отклонил ее просьбу о помиловании.

Теракты в Москве поставили страну перед мрачным фактом: российские силовые ведомства неспособны обеспечить безопасность граждан. Отсутствие или крайняя слабость агентуры в среде боевиков, неспособность адекватно противостоять подполью даже в собственной столице — со времен терактов 1999 года прошло три года, но спецслужбы оказались так же беспомощны перед серией террористических атак.

Попытки внедрить кого-нибудь к боевикам в начале 2000-х обычно кончались плохо. Более того, террористы могли поощрять мнимые вербовки, в действительности поставляя ФСБ дезинформацию и получая агентов, защищенных от обысков и досмотров на блокпостах.

Атаки самоубийц без перерыва шли весь 2003 год. Террористы таранили госпиталь в Моздоке, взрывались на остановках общественного транспорта, подрывали электрички... В будущем 2004 году им предстоял еще более внушительный бенефис.



ИГРИЩА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ

П

о мере того как падала интенсивность стрельбы, в Чечне росло количество самостоятельных лоялистских группировок. На политику они влияли в разной степени. Одним из самых боеспособных и при этом самых аполитичных формирований стал батальон «Запад» Саид-Магомеда Какиева. Отряд Какиева формировался и действовал под патронажем ГРУ. Этот отряд, куда принципиально не брали бывших боевиков, показал отменные боевые качества, а его командир ни разу не дал повода усомниться в своей лояльности. Фраза «Клянусь Аллахом, я готов умереть за Россию» в устах этого человека звучала очень серьезно. Однако Какиев был офицером — в первую, вторую и третью очередь. Вкуса к политике он не имел никакого. Автомат в руках и противник на линии огня привлекали его куда сильнее любого кресла, так что после яркого дебюта он достаточно быстро сошел со сцены. Характерно, что в современной Чечне он получил должность почетную, но не связанную ни с какой реальной властью. Интересно, кстати, что Какиев яростно критиковал саму идею массовых амнистий бывших боевиков:

Амнистия лично у меня вызывает массу вопросов. Как можно безоговорочно прощать тех, кто воевал против нас? Говорят все подряд, что они невинные, они не ваххабиты, не убивали духовных лидеров и так далее. А куда девать души 18-летних пацанов-

срочников, которых они казнили? Поэтому я не понимаю такую амнистию. Да, прощать надо тех, кто попал в банду случайно, по ошибке, кого заманили или запугали под угрозой смерти. А амнистировать тех, кто столько воевал — это мина замедленного действия.



САИД-МАГОМЕД КАКИЕВ, КОМАНДИР БАТАЛЬОНА «ЗАПАД», ЛОЯЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНЫМ ВЛАСТЯМ

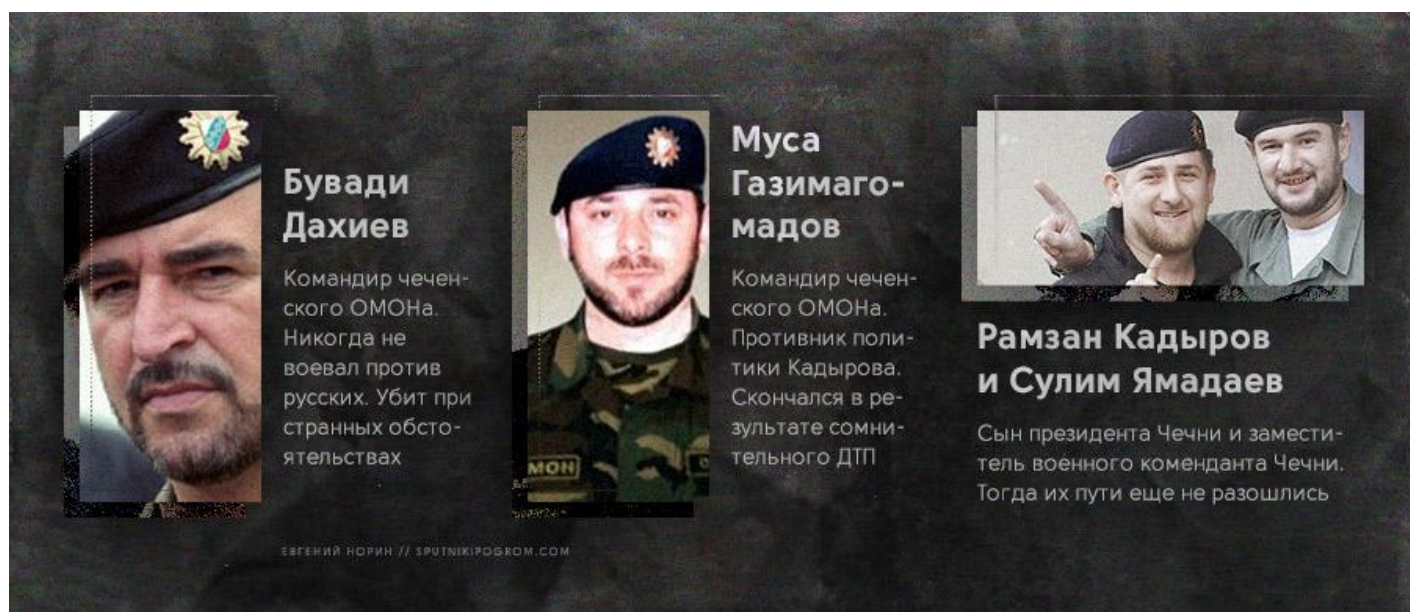
Смотрите, люди воюют против страны, столько солдат погибло за это время, а они не несут вообще никакой ответственности! Я никогда не смирюсь с этим. Мы смертны — и как мы будем смотреть в глаза восемнадцатилетним пацанам там? Кровь нельзя прощать. Кто убивал людей, должен отвечать. На любой войне отношение к пленным должно быть гуманное, а то, что творили эти звери, не поддается описанию. Эти бандиты потеряли достоинство. Получается, что теракты совершает один Басаев, а остальные ни в чем не виноваты.

Несколько иначе складывалась история чеченского ОМОНа под началом Мусы Газимагомадова и Бувади Дахиева. Командир этого отряда имел счет крови к боевикам, как и многие его подчиненные, поэтому ОМОН воевал не за страх, а за совесть. Однако лояльность ОМОНа и вообще чеченского МВД президенту находилась под вопросом. Министра внутренних дел Чечни Руслана Цакаева назначили на должность из Москвы в начале 2003 года. Кадыров сопротивлялся этому назначению, и позднее его отношения с Цакаевым не сложились. Цакаев затеял реформу чеченской милиции, выдавливая оттуда бывших боевиков. Кадыров, напротив, настаивал на максимально активном привлечении вышедших из леса к службе в милиции. Регулярные амнистии привели к тому, что на легальном положении оказались многие сотни бывших рядовых и мелких командиров моджахедов. Большинство из них уже не хотело и не могло совсем

выпустить из рук автомат, а многие просто шпионили для подполья. Как бы то ни было, Кадыров хотел использовать их для строительства новых силовых структур республики, а у руководства МВД эта идея не вызвала ни малейшего восторга. В апреле 2003 года Цакаев «по собственному желанию» ушел в отставку. Незадолго до этого Муса Газимагоматов попал в странную автокатастрофу: его автомобиль на полном ходу протаранил «Камаз», выехавший на встречу. Газимагоматова срочно вывезли в госпиталь Бурденко, но спасти командира омовцев не удалось, он скончался от тяжелейших травм. Цакаев написал заявление об отставке вскоре после этой аварии и буквально за несколько часов до смерти Газимагоматова.

Хотя новый командир ОМОНа был человеком Кадырова, бойцы и офицеры долго не могли наладить с ним отношения. Возмутителем спокойствия выступил Бувади Дахиев, второй известный предводитель чеченских омовцев и тоже совершенный лоялист, никогда не воевавший против русских. ОМОН и клан Кадыровых смотрели друг на друга волком до 2006 года, а потом Дахиева убили в нелепой перестрелке на ингушской границе при самых туманных обстоятельствах.

Наконец, самое известное самостоятельное формирование лояльных чеченцев, не связанное с кланом Кадыровых, составлял отряд «Восток» братьев Ямадаевых. Ямадаевы имели политические амбиции и деловые интересы в Чечне. Руслан, один из братьев, вошел в местную «Единую Россию» и с 2003 года был депутатом Думы. Сулим стал заместителем военного коменданта Чечни и поступил в военную академию им. Фрунзе. «Востоковцы» тоже действовали эффективно и жестко, и работали противовесом влиянию Кадыровых в республике. Впрочем, пока два клана не столкнулись открыто.



Сам Кадыров первоначально опирался на собственную службу безопасности, вскоре разросшуюся до размеров частной армии. Его подразделения в составе МВД понемногу увеличивались и умножались — полки ППС, «нефтяной» полк, Антитеррористический центр (позднее из его бойцов сформировали батальоны «Север» и «Юг»). Кадыров

поначалу набирал в свои отряды односельчан и родственников, а вскоре переориентировался на бывших боевиков.

В 2002–2003 годах стали видны первые признаки будущей неограниченной власти клана Кадыровых. Опираясь на верных лично ему амнистированных боевиков (некоторое время даже собирались привлечь Гелаева!) старший Кадыров планомерно боролся с другими лидерами Чечни и устранял потенциальных конкурентов. Проще всего оказалось удалить Бислана Гантамирова (*командир отряда «гантамировцев», воевавших на стороне русских — прим. ред.*). Он числился министром печати и информации республики, и летом 2003 года, во время президентской предвыборной кампании в Чечне, объявил о разрыве с Кадыровым. Гантамиров тут же лишился всех постов. В чем состояла суть этого демарша, понять трудно, но с первым серьезным противником Кадыров справился очень легко.

Ахмат Хаджи продолжал укреплять свою власть. Весной 2003 года в Чечне прошел референдум о конституции и о выборах парламента и президента. Осенью состоялись и сами выборы. Из примечательных фигур в них участвовали известный политик Асламбек Аслаханов и бизнесмен Малик Сайдуллаев. Гантамиров и Хасбулатов, что характерно, решили в выборах не участвовать. Уже в ходе кампании Сайдуллаева сняла с гонки избирательная комиссия, а Аслаханов отказался от участия сам, заявив, что не может вести нормальную избирательную кампанию. У Кадырова не осталось конкурентов, и он победил с зубодробительным результатом в 80% голосов.

Основные кандидаты пост президента Чечни
осенью 2003 г.

 Ахмат Кадыров Глава администрации Чеченской Республики	 Малик Сайдуллаев Бизнесмен, снят с гонки избирательной комиссией	 Руслан Хасбулатов Известный политик, решил не участвовать в выборах
 Асламбек Аслаханов Известный политик, снял свою кандидатуру	 Бислан Гантамиров Вице-премьер республики, решил не участвовать	80% голосов набрал Ахмат Кадыров на выборах осенью 2003 г.

ЕВГЕНИЙ НОРИН // SPUTNIKROGROM.COM

Фальсифицировать результаты было не обязательно — всё возможное и невозможное давление на кандидатов оказали еще до голосования. К тому же чеченцы вряд ли собирались выходить на площади с ироничными плакатами об украденных выборах. Республику к этому моменту населяли измотанные и деморализованные люди. Боевики — это всего несколько тысяч человек, статистически ничтожная сила даже вместе с пособниками. Если в конце 90-х достаточно многие чеченцы верили, что

моджахеды защищают их от властей, то теперь спустившийся с гор лесной брат скорее пугал. Жить сепаратисты могли только за счет населения, которое они, собственно, и рассматривали как ресурс, а укрывательство означало скорую зачистку с убитыми или пропавшими без вести. Причем федеральные власти и кадыровцы давали призрачную надежду на нормальную жизнь, которой никто не видел уже лет десять, а из боевиков администраторы и строители инфраструктуры были понятно какие. Население погрузилось в глубокую апатию. Средний чеченец автоматически превращался в пустое место рядом с любым солдатом, милиционером или боевиком. Голосовать были готовы за кого угодно, лишь бы в обмен обещали минимум безопасности и какой-нибудь заработок.

В этом смысле Кадыров не баловал своих избирателей. Деньги, выделяемые на восстановление республики, традиционно разворовывали, сроки восстановления разрушенных объектов постоянно срывались. Но постепенно Чечня восстанавливалась, правда, в своеобразном порядке — начиная с административных зданий и нефтепроводов. Безработица оставалась огромной. Тем не менее беженцев постепенно возвращали в республику, и даже медленное движение к нормальности выглядело лучше, чем полное отсутствие работы, инфраструктуры и перспектив при радикалах.

Кадыров-старший одержал убедительную победу. Однако насладиться ее плодами он уже не сумел.

9 мая 2004 года в Грозном произошло во всех смыслах громкое и достаточно загадочное событие. Ахмат Кадыров присутствовал на грозненском стадионе на торжествах по случаю Дня Победы. Там только что закончился ремонт. Ни сам Кадыров, ни присутствующие не могли знать, что в бетонные конструкции трибуны вмонтирован мощный фугас из уже традиционного 152-мм гаубичного снаряда. Бомба взорвалась прямо под Кадыровым, убив несколько человек и смертельно ранив самого президента Чечни.



Главная интрига теракта: Кадырова вовсе не обязательно подорвали боевики. Хотя Басаев вскоре взял ответственность на себя, ему мало кто поверил. Более того, даже российские власти, обычно с удовольствием валившие на мертвых террористов все возможное и невозможное, проявили неожиданную сдержанность. И пресса, и официальные лица осторожно сообщили, что версия о причастности подполья не основная, причем упоминали некого «крота» в собственных рядах. Наконец, Рамзан Кадыров заявил в интервью, что Басаев и Масхадов здесь ни при чем: *«Есть другие силы. Мы их знаем»*.

Заметим, что Кадыров изначально не собирался сидеть на этой трибуне, и метить могли совсем не в него. Вместе с ним погиб другой высокопоставленный чеченец, а командующий группировкой войск в Чечне Валерий Баранов получил тяжелое ранение. Впрочем, вероятнее, убийцы действительно достали свою цель. Кто мог желать Кадырову смерти, кроме боевиков? Говорили о борьбе за чеченскую нефть между президентом и другими центрами силы. В начале войны нефть в республике добывалась кустарным способом, но дальше местные месторождения неизбежно доставались более серьезным игрокам. Кадыров-старший намеревался принять самое деятельное участие в дележе пирога. Еще в 2000 году он начал поднимать вопрос о контроле властей Чечни над местной нефтяной промышленностью. После того как интенсивность боевых действий пошла на спад, к борьбе за контроль над черным золотом подключились и военные, и различные группы чеченцев-лоялистов, и, конечно, российские нефтяные корпорации. В частности, в Чечню пришел всем известный гигант «Роснефть».

Цена вопроса была весьма высока: к 2007 году в республике добывалось на полтора миллиарда долларов нефти ежегодно, и в 2004-м все уже понимали, что будущее у местной нефтянки приличное. Среди кандидатов на выгодное «кормление» называли самых разных людей, готовых при необходимости обеспечить свои интересы силой — например, бывшего полевого командира Хож-Ахмеда Нухаева, влиятельный клан братьев Магомадовых и многих других. Нефтяные дела, впрочем, остаются лишь одной из гипотетических причин убийства. Старшего Кадырова могли убить и политические разногласия. Например, в 2009 году Рамзан Кадыров заявил, что к теракту причастны братья Ямадаевы, долгое время оспаривавшие монополию клана Кадыровых на лидерство. Понятно, что Кадыров мог обвинить своих главных конкурентов в чем угодно, хоть в потоплении Титаника, но мотив они действительно имели.

С возможностями дело обстояло похуже.

Как бы то ни было, расследование этого дела тянулось до 2007 года и кончилось ничем: не осталось ни одного подозреваемого, никого не задержали. В 2009 году по инициативе Рамзана (!) следствие возобновилось, но прекратилось в тот же день по решению руководства Следственного комитета. Видимо, смерти Ахмата Кадырова суждено навсегда остаться одной из множества грязных и кровавых загадок войны в Чечне.

Тогда на сцену впервые вышел второй сын Ахмата Кадырова. Его разговор с Владимиром Путиным, показанный по ТВ, запомнился многим как сочувственной, почти интимной интонацией общения, так и спортивным костюмом Рамзана. Так на горизонте чеченской политики зажглась новая звезда.



• АЛУ АЛХАНОВ, И.О. ПРЕЗИДЕНТА ЧЕЧНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ АХМАТА КАДЫРОВА

Можно было ожидать, что гибель Кадырова пошатнет позиции лоялистов. Этого, однако, не произошло. Передача власти произошла достаточно спокойно. Рамзан еще не вошел в возраст, когда мог по закону претендовать на отцовское кресло: ему исполнилось только 28 лет, а президентом Чечни разрешалось стать с 30. Кроме того, ему требовалось несколько пообтесаться на вершинах местной политики. До сих пор младший Кадыров служил помощником министра внутренних дел республики и членом госсвета, после смерти отца стал советником полпреда РФ, позже — и. о. председателя правительства. Пока дофин в тренировочных штанах входил в пору зрелости, регентом в Чечне состоял Алу Алханов, опытный аппаратчик.

Интересно, что через несколько месяцев после смерти Ахмата Кадырова скончался его старший сын Зелимхан. Назвать Зелимхана Кадырова самостоятельным политиком трудно. Это скорее гедонист и прожигатель жизни, чем государственный муж и военный деятель. В кадыровской милиции Зелимхан, отметим, имел очень скромный для своего происхождения титул ротного старшины. Репутация у него была, но очень скверная.

В 1997 году он во время ссоры застрелил человека, а в 2000-е поучаствовал в инциденте со стрельбой в Кисловодске. Тогда две группы недовольных друг другом россиян принялись стрелять в гостинице из пистолетов Стечкина.

Причем среди людей, в которых неудачно стрелял Зелимхан, обнаружился прапорщик ФАПСИ Владимир Шевелев. Прибывшая кисловодская милиция сумела обезоружить

ковбоев, а в гостиничном номере у стрелков, по некоторым неподтвержденным сведениям, нашли наркотики. Как сообщала пресса, сам инцидент произошел из-за попытки Зелимхана совершить насилие над женщиной и намерения прапорщика и его товарища остановить распущенного юношу. Заместитель министра внутренних дел Чечни объявил по этому случаю, что против Зелимхана Кадырова организована «политическая провокация».

Таков был человек, скончавшийся вскоре после смерти своего могущественного отца. Вряд ли с его смертью что-то не так. Убитые горем сыновья умирают от инфарктов. Старшинство в чеченском обществе в наши времена значит далеко не так много, как прежде, а Зелимхан не имел вкуса к политике, и уж тем более не подходил на роль марионеточного наследника Ахмата-Хаджи. К тому же его выходки совершенно не компрометировали весь клан Кадыровых. Никто из достойных родственников покойного не мог желать его смерти.

ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ИХ ПОВЕСЯТ. ГИБЕЛЬ ЯНДАРБИЕВА

Подрывы и политические убийства — эффектный способ борьбы, однако в эту игру могут играть двое. В феврале 2004 года русские провели дерзкую успешную операцию далеко за пределами своей страны.

После пятничной молитвы Зелимхан Яндарбиев возвращался в свой дом в Дохе, столице Катара. К его автомобилю уже успели прикрепить бомбу. Как только машина отъехала от мечети, под днищем произошел взрыв. Несовершеннолетний сын Яндарбиева получил ожоги, но выжил, двое охранников погибли на месте, а сам Яндарбиев не приходя в сознание умер в госпитале через час.



**Джип
Яндарбиева**

после подрыва на улице
в Дохе, Катар

ЕВГЕНИЙ НОРИН // SPUTNIKIPOGROM.COM

Яндарбиев во время войны оставался в тени brutальных любителей поразмахивать оружием на камеру, однако его настоящая роль была куда значительнее, чем у большинства полевых командиров. Он наводил мосты между боевиками в Чечне и их покровителями за рубежом. Как идеолог, этот человек сделал очень многое для

включения Чечни в мировое джихадистское движение. В Катаре он, как сам утверждал, жил на правах почетного гостя эмира. Правда это, или Яндарбиев просто набивал себе цену — неизвестно, но он совершенно точно до самой своей смерти представлял Ичкерия во внешних сношениях со странами мусульманского Востока, в том числе по денежным вопросам. Судя по всему, планирование терактов он тоже не бросал: почему-то именно с ним из захваченного ДК на Дубровке говорил по телефону Мовсар Бараев.

Попытки России добиться выдачи Яндарбиева дипломатическим путем ничего не дали, и в Москве решили сыграть по-крупному. Игра удалась. Ичкерия лишилась опытного дипломата. Больше фигур такого масштаба боевики на востоке не имели.

Яркий успех операции несколько подпортили дальнейшие события — через три дня катарские спецслужбы арестовали на арендованной дипломатами вилле троих россиян. Один пользовался дипломатическим иммунитетом, и с ним ничего не смогли сделать, но двое других предстали перед судом. Агенты не отрицали причастность к спецслужбам, но дело они уже сделали. Бомбу в Катар прислали из Москвы в мешке с дипломатической почтой, а для ликвидации военные использовали взятый в прокат автофургон, арендуя который и засветились на видеокамерах. 30 июня суд Катара признал их виновными в убийстве Яндарбиева и приговорил к пожизненному заключению, однако кризис вскоре уладили по дипломатическим каналам. Уже 23 декабря оба офицера спускались на взлетную полосу московского аэропорта по ковровой дорожке.



Разведчика, подорвавшего Яндарбиева, выводят из зала суда в Катаре

Операция в Катаре стала серьезным успехом. На тот свет отправился старый и опытный враг, а до других боевиков начало доходить, что теперь их могут достать где угодно.

Конец первого эпизода IV части

Читайте ещё больше платных статей бесплатно: <https://t.me/nopaywall>